

## V. С половины до конца XVI века.

Стремление Великого Князя и бояр, до сего времени совпадавшие, стали различны. Московский Великий Князь приобрел значение народного государя с широкой властью, бояре составили правительственное сословие со стеснительной для верховной власти притязательностью. Другой язвой боярства того времени было местничество, особенно опасное во время войны.

Естественно, что Великий Князь Московский не мог мириться с новыми притязаниями на раздел власти. Отсюда ряд столкновений с боярами.

При этих столкновениях бояре, признавая самодержавную власть Московского государя, настаивали на необходимости и пользе участия боярства в управлении страной; московские же Великие Князья смотрели на бояр лишь как на людей, служащих при дворе.

Столкновение эти достигли высшего развития при Иоанне IV, который больше, чем кто-либо, считал себя самодержавным государем и не был склонен уступать боярам хотя бы частицу своей власти. И вот, когда образовался боярский кружок, который под руководством попа Сильвестра и Алексея Адашева пытался ограничить царскую власть, присвоив часть к себе, — Иоанн IV ответил на нее так называемой «опричиной».

Опричина, все более расширяясь, захватила половину государства, при чем земли отбирались так, что в опричном управлении собрались мало-помалу старые удельные земли, исконные владельцы которых возбуждали особые гнев и подозрение Грозного.

В итоге, высшая знать из больших удельных князей была сравнена с остальными служилыми людьми, и все следы старых удельных обычаев и вольностей в служебных отношениях, а также и остатки удельных дружин, с которыми потомки князей раньше приходили на государеву службу, — постепенно искоренялись.

С другой стороны, владельцев земель, отходящих в опричину, Иоанн поселил на пограничных землях, и этим сильно развил поместное владение землей за военную службу. В итоге получились столь необходимые для вооруженной силы единовластие и единство войск. Попутно развивалось поместное владение. Наконец, опричина являлась, до некоторой степени, постоянным войском, хотя и без особой заблаговременной подготовки.

Выполнив свою главнейшую задачу низведение боярства, опричина, однако, была скоро уничтожена.

Тяжесть воинской повинности, падавшей на служилого человека, по закону 20 сентября 1555 г., была следующая: со 100 четвертей, т. е. с 200 десятин, хорошей пахотной земли один ратник «на коне и в доспехе полном», а в дальний поход о двуконь. Земледельцы, имевшие больше 200 десятин в поместьях и вотчинах, выводили или выставляли соразмерное пашне число вооруженных дворовых людей.

Профессор Ключевский выражает поместное право так; «Оклад—по чину, дача—по вотчине и продолжительности службы; придача к окладу и дача—по количеству и качеству службы».

Сверх поместного оклада, служилые люди получали денежное жалованье.

В XVI веке служба дворянина, которая по судебнику 1550г. была наследственной и обязательной, начиналась обыкновенно с 15 лет. До этого он числился в недорослях. Выросший для службы и записанный в служилый список, он становился «новиком». Тогда его, смотря по первым служебным опытам, верстали поместьем, а по дальнейшим успехам и денежным окладом, — сначала «новичным». Впоследствии за службу делали прибавки. При этом верстание новиков было двойное: в отвод и в припуск. Старших сыновей, когда еще отец сам служил, верстали в отвод, отделяли от отца; одного из младших, который начинал службу, когда сам отец уже не мог служить, припускали к нему в поместье, как заместителя.

Поместное право давало возможность Московскому правительству в любое время собирать временные конные ополчения из дворян и детей боярских, численностью от 80 до 100 т. чел. и носившие название поместной дворянской конницы.

В то же время необходимость постоянной охраны границ государства, которое теперь непосредственно соприкасалось с различными иноземными народами, заставила увеличить род войск, называемый городовыми казаками.

Со времени Иоанна IV, городовые казаки также становятся поместными войсками, но постоянными. Они были преимущественно конные и употреблялись почти исключительно для охранительной и разведывательной службы,

После покорения татарских царств, на службу Московским государем стали приниматься и татары, принявшие христианство, т. н. новокрещены, затем татарские мурзы и князья. Они также получали поместные оклады и жалование, но в меньшем размере, нежели дворяне.

Затем Иоанн IV создал постоянную пехоту, которая, вследствие своего вооружения, стала называться стрельцами.

Стрельцы собирались из вольных людей хорошего поведения, получали во владение, подобно городovým казакам, участки земли без городов и обязаны были служить пожизненно и наследственно, получая и жалованье.

Стрельцы были пешими, и только лучшие из них были конными, называясь стремянными.

Жили они в особых слободах, пользуясь различными льготами.

Общее число стрельцов к концу XVI стол. было около 12000 чел.

Наконец, при Иоанне IV в городах появляется особое сословие пушкарей, затинщиков, воротников, плотников и кузнецов, как следствие роста у нас огнестрельного оружие.

Все эти служилые люди также получали земельные участки, за что обязаны были пожизненной и потомственной службой. Они селились в городах особыми слободами, пользовались некоторыми преимуществами и составляли отдельный цех.

Поместные войска к концу XVI столетия (царствование Иоанна IV) составляли главнейшую составную часть русской вооруженной силы.

Но кроме них, при надобности выставлялось ополчение из крестьян, — по одному с известного числа дворов (даточные люди).

Даточные люди призывались пешими и конными. Они, в сущности, представляли собой род древне-русских воинов.

В Полоцком походе Иоанна IV, в 1563 г. их было, например, 80 тыс. чел.

Но кроме всех указанных войск, в состав русской силы, начиная с половины XVI века, входят еще и казаки донские, гребенские, терские, волжские и яицкие. Эти казаки, — выходцы, недовольные существующими порядками, — жили на окраинах государства, на землях захваченных, и сначала мало зависели от Москвы.

В Москве смотрели на них скорее, как на союзников, чем на войска, состоящие в непосредственном распоряжении государства.

Иоанн IV особенно покровительствовал донским казакам, давал им жалованье и некоторые льготы по торговле.

Наконец, в состав русского войска входит и иноземное войско.

Учреждение этого войска принадлежит Иоанну IV с первоначальной целью образовать царских телохранителей и иметь «размыслов» для артиллерийского и инженерного дел.

Наемничество, вообще, не шло у нас. Даже при самом нелюбимом царе, Борисе Годунове, число наемников не превосходило 5 т. чел.

Итак, мы проследили:

Во-1-х, поместные войска:

- а) Ополчение из дворян и детей боярских.
- б) Татарское ополчение.
- в) Городовые казаки.
- г) Стрельцы.
- д) Пушкари, затинщики, воротники.

Во-2-х, даточных людей.

В-3-х, казаков непоместных и  
в 4-х, зачатки иноземных войск.

По роду службы, все эти войска можно разделить: на временные ополчения и на войска, близкие к постоянным.

Первое: а) ополчение из дворян и детей боярских; б) татарское ополчение и в) даточные люди.

Вторые: а) городовые казаки, б) стрельцы, в) пушкари, затинщики и воротники, г) непоместные казаки и д) иноземные войска.

По родам войск вооруженные силы Руси рассматриваемого времени могут быть разделены на: а) конницу, б) пехоту, в) артиллерию и г) инженеров.

Конница была главным, многочисленным и лучшим родом войск. В состав ее входили: а) ополчение дворянское из детей боярских, б) татарское ополчение, в) казаки городовые, г) казаки непоместные и д) даточные люди.

Дворяне составляли самый важный разряд в русской коннице. В ней «Государев полк» представлял собой отборную рать и отличался богатством оружия, одежды и добротой коней.

После дворян следующий разряд русской конницы составляли дети боярские.

На них вместе с городскими дворянами лежали оборона пограничных городов и сторожевая служба вдоль границ.

Дворяне и дети боярские обязаны были приводить слуг, которые несли отдельную службу по сопровождению обоза, по сбору запасов, и т. п. второстепенным действием. На них возлагались также и уход за конским составом и служба при табунах.

На ряду с дворянской конницей, стояла на тех же основаниях конница татарская.

Третий разряд русской конницы составляли городовые казаки.

Четвертый—конные даточные люди, снаряженные, вооруженные и снабженные всеми видами довольствия—теми, кто их выставлял.

Условия, которым должны были удовлетворять даточные, определялись каждый раз указом о сборе даточных.

Казаки непомерные, составляя часть русской конницы, служили, главным образом, на далеких окраинах.

Пехоту прежде всего составляли стрельцы.

Они были лучшей пехотой наших войск того времени и особенно хорошо действовали при осаде и обороне городов.

Затем, пешие городские казаки, составляя защиту («засаду») пограничных городов, входили и в состав полевых ратей. Они не уступали стрельцам и вместе с ними образовывали в составе нашей пехоты самую надежную часть.

Пешие даточные люди служили на одинаковых правах с конными. Кроме службы в пехоте, они употреблялись также при наряде и обозе, и на них возлагалось производство всех полевых военно-инженерных работ.

Личный состав артиллерии образовывали пушкари; затинщики, воротники, плотники и кузнецы.

Из инженерных войск уже Иоанн III принял к себе на службу нескольких иностранных инженеров, так называемых тогда, «розмыслов», а при Иоанне IV у нас появляются свои русские «розмыслы».

Вооружение конницы состояло из лука, со стрелами, топора, кинжала, кистеня и копий. Наиболее богатые воины имели сабли.

Предохранительное вооружение конницы было весьма различно, в зависимости от средств каждого. Кони были малорослые, но крепкие, ногайской породы. Конское снаряжение подобное татарскому.

Вооружение стрельцов и городских казаков — пищаль или самопал, меч и бердыш, который в походе вешали за спину, а в бою втыкали перед собой в землю. У некоторых, кроме того, копьа.

Вооружение остальных пеших ратников: холодное—мечи, тесаки, совни, рогатки и пр., метательное — саадаки и самострелы и огнестрельное—пищали и самопалы.

Что касается предохранительного вооружения, то в этом отношении различие между пехотой и конницей не существовало.

Орудие со времен Иоанна III начали изготовляться дома.

При Василии III наряд наш разросся.

Для обслуживания его уже не хватало цеховых пушкарей, и их приходилось пополнять даточными людьми.

При Иоанне IV появляются русские пушечные мастера, и в 1547 г. на Московском пушечном дворе были отлиты первые 16-пудовые волкопейки или соколки, т. е. фальконеты, которые были изобретены в Италии в 1536 г.

В походе Иоанна IV, в 1552 г., к Казани было 150 тяжелых и средних орудий, не считая малых,— кроме наряда

в разных городах. При этом, кроме гладкостенных, в тогдашней нашей артиллерии встречались и нарезные орудия, заржавшиеся с казны и носившие название винтовальных.

К числу винтовальных орудий относились и затинные пищали, — крепостные ружья, стрелявшие свинцовыми пулями.

Определенного разделения артиллерии на отдельные виды не было. Однако, по роду службы, можно заметить артиллерию осадную, полевую, полковую и крепостную.

Осадную артиллерию, или стенобитный наряд, составляли орудия наибольшего калибра (до  $2\frac{1}{2}$  пудов) и наиболее тяжелые.

Полевую артиллерию составляли орудия более легкие, а полковую — малые орудия, до 6—8 фунтов, приспособленные к удобному передвижению. Они в небольшом числе придавались непосредственно войскам.

Таким образом, полковая артиллерия появляется у нас гораздо раньше, чем у Густава Адольфа, которого обыкновенно считают основателем этой артиллерии.

При конных войсках полковые орудия появились в начале XVII в. (поход кн. Пожарского к Москве), — тоже раньше всех.

Крепостная артиллерия, или городской наряд, состояла из орудий, размещенных по городам и крепостям. Состав ее был крайне разнообразен и многочислен.

Основным подразделением войск явилась десятня, которая состояла из людей, приписанных к какому-либо одному городу.

Десятни по несколько сводились в полки, которых в рати было семь: Большой или главное войско, Правой илевой руки, Передовой, Сторожевой и седьмой из легкой конницы, называемой Ертоул, или Ертоульный полк (конница самостоятельная).

Десятня делилась на сотни, сотня делилась на десятки.

Стрельцы в мирное время разделялись на приказы в 800—1000 человек; приказы на сотни, сотни на десятки.

В военное время отдельные стрелецкие сотни распределялись по полкам.

Городовые казаки тоже делились на сотни и десятки.

Иностранные наемники образовывали иноземную дружину.

Заведывание всеми вооруженными силами в мирное время сосредоточилось в Разрядном приказе, или Разряде.

Городовые воеводы доставляли Разряду подробные списки, по каждому городу, дворян и детей боярских, с их поместьями. Разряд определял указами, какие именно служилые люди, каких городов и в каком числе должны были явиться к известному сроку на сборное место.

Стрельцы и пушкари ведались соответственно стрелецким и пушкарским приказами.

Для начальствования полками из бояр, окольных и думных дворян назначались полковые воеводы. Воевода Большого полка, или большой воевода, был и главноначальником. Каждому воеводе назначался, по крайней мере, один товарищ, обыкновенно из более способных, но младших начальников, чтобы хоть отчасти устранить недостатки местничества.

К числу полковых воевод относились воевода у наряда и воевода гулявый или разъездной, начальствовавший отборными 1000 чел., от которых высылались разъезды и лазутчики, и ведавший гуляй-городом.

Все воеводы должны были каждый день являться за приказаниями к большому воеводе: вот где берет начало то личное общение, которым так сильны теперь немцы!..

При воеводах состояли дьяки. Они писали приказы за подписью и воеводы, и дьяка; ведали государеву казну; раздавали жалованье; вели дневники военных действий, которые затем сдавались в Разрядный приказ.

Для управления в бою начальники имели на седле небольшие медные барабаны, в которые били перед отдачей приказаний. За воеводами возились барабаны, набаты, на деревянных щитах на 4 рядом поставленных лошадях. В каждый такой набат били 8 человек.

В общем, чиноначалие было довольно простое и естественное, в связи с разделением рати на крупные и мелкие единицы.

Одежда русского войска была строго народной, и, отвечая вкусам и средствам каждого воина, была чрезвычайно разнообразна. Только Царская дружина одевалась более или менее одинаково.

Стрельцы имели однообразную одежду, из цветных кафтанов и сапог и железных шапок.

Все войска, кроме иноземцев и стрельцов, должны были сами заботиться о своем довольствии. Стрельцы же и иноземцы получали от казны определенное количество продовольствия и фуража.

Свои запасы, или «кормы», каждый воин возил на вьючной лошади, вместе с приспособлениями для изготовления пищи. Пополнение запасов в своей стране шло покупкой или путем поставки населением, по заблаговременным распоряжениям правительства, при чем воспрещалось в походе через русские земли брать что-либо насильно. Особенно строго следил за этим

Иоанн IV.

В неприятельских землях войска свои запасы пополняли в попутных селениях и городах, при чем для сбора запасов высылались особые «кормовщики». Борьба с грабежом при этом была очень затруднительна.

Войска не занимались вовсе предварительной боевой подготовкой, но она видна из той мощной и непрерывной работы, которую несли они: «в 1499 году князь послал воевод своих в Казань, в 1500 году в Литовскую землю, в 1501 году туда же и против татарских улусов, в 1502 году в Стародуб и Смоленск, в 1503 году опять в Литовскую землю, в 1505 году в Муром, в 1506 году в Казань и в Муром», и т. д., и т. д., — говорит летопись.

Другой показатель — доселе не утратившее своей свежести «Наставление» Воротынского по несению службы на окраинах <sup>1)</sup>.

Сбор войск назначался указом, которым определялись: места сбора войск и запасов, число ратников и сроки явки.

Неявившихся на сборное место разыскивали и высылали насильно, подвергая предварительно тюремному заключению и телесному наказанию.

Средняя величина обыкновенного перехода не превосходила 15-ти верст <sup>2)</sup>, но иногда она возрастала до 20 и даже до 30 верст. Значительные силы совершали походные движение большей частью сухим путем, перевозя свои тяжести, наряд, боевые и жизненные запасы, при возможности, водою или на подводах.

Впереди, иногда до 6-ти переходов, шел Ертоул, от которого высылались во все стороны дальние разъезды для разведывания о путях и неприятеле и обеспечения главных сил от нечаянного нападения. За ним обыкновенно следовали точные люди для исправления пути, мостов, гатей и т. п., затем Передовой полк, Большой, или главное войско, и при нем наряд; далее—тяжести и обозы и, наконец,—Сторожевой полк.

Полки Правой илевой руки следовали каждый с соответствующей стороны, иногда на большом расстоянии от Большого полка и вполне независимо от него, но в полной связи; если же опасность грозила только с одной какой-либо стороны, то полк соответствующей руки усиливался другими войсками. По трем, по двум дорогам войска шли уже быстрее. На ночлег избирали станы в местах, изобилующих водою, лесом и пастбищами. Они обеспечивались от нечаянного нападения противника часовыми, а иногда окружались еще окопами, рвами и повозками. Перед выступлением с ночлега отдавалось приказание, в какое именно время которому из полков выступить.

Сторожевая служба и разведывание о противнике, хотя и обдуманно разумно, выполнялись не всегда хорошо, что не раз приводило к случайным поражениям.

<sup>1)</sup> Подробно приведено в труде профес. Баюва: "Записки Ист. Русск. воен. иск."

<sup>2)</sup> То же и теперь для больших сил.



Особенностью того времени являлся гуляй-город—род подвижного закрытия из дощатых щитов, с отверстиями в них для ручного огнестрельного оружия. Щиты эти, по расстановке на месте, скреплялись железными или веревочными связями и образовывали или длинную ограду, или отдельные укрепления.

Ведался он особым воеводой-гулявым, который и выбирал место для установки города.

Иногда гуляй-город занимал огромное пространство (до 5 и больше верст).

Бой начинала конница. Она стремительно бросалась на противника с криком и при звуках набатов, зурн и бубнов, действуя на скаку метательным и холодным оружием и стараясь дружным ударом сломить стойкость противника. Если ей это удавалось с первого раза, то победа была решена, и коннице оставалось преследованием довершить поражение неприятеля. Но если он стойко выдерживал первое нападение, то русская конница приходила в расстройство и в беспорядке бросалась назад за пехоту. Тогда все удары принимала на себя пехота, которая под защитой местных препятствий, и особенно гуляй-города, дралась с необычайной стойкостью и упорством. Между тем воеводы собирали и устраивали конницу и снова вводили ее в бой. Затем неожиданное появление «засады» и удар ею сбоку или в тыл противника решали участь боя. Вообще «засада» (ныне резерв) — это наша драгоценнейшая черта, с самых первых дней нашей сознательной военной жизни, умело применяемая нашими вождами в целях уничтожения врага.

Артиллерией начальники того времени пользовались неискусно.

Преследование разбитого неприятеля велось очень слабо. Вместо того, одержав победу, русские войска бросались прежде всего обирать и грабить все оставшееся на поле сражения и только потом уже думали о преследовании.

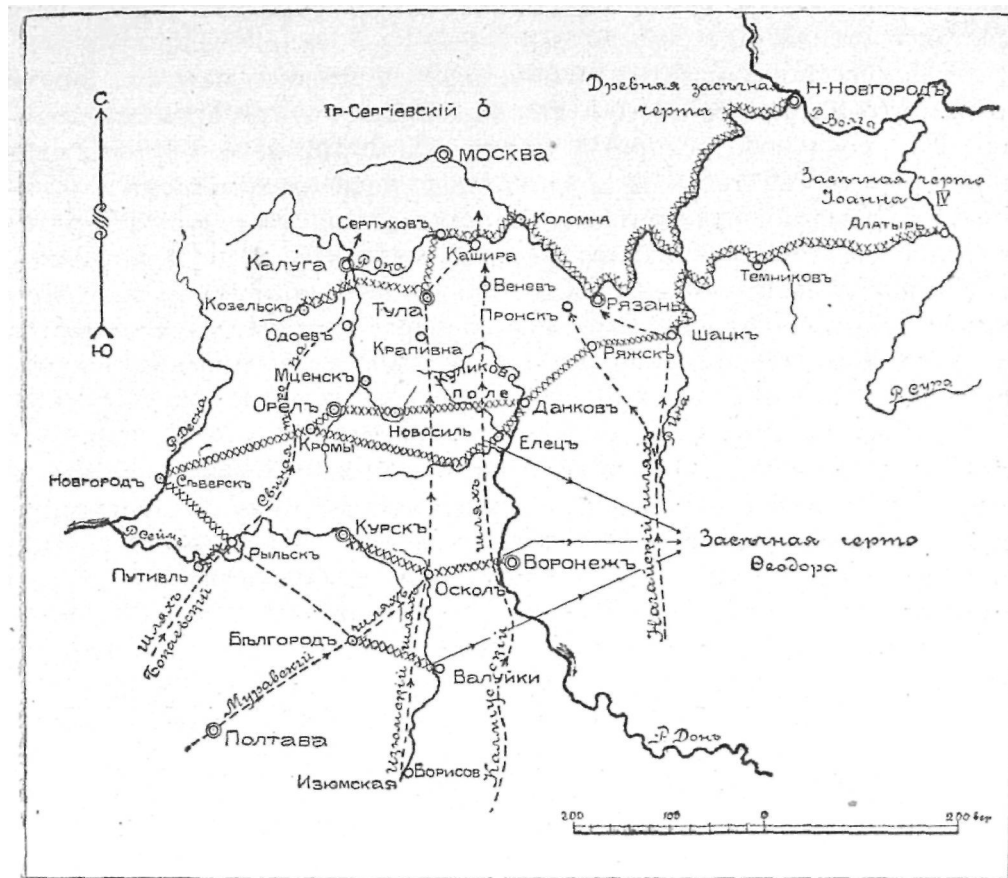
Что касается инженерного искусства, то здесь надо различать инженерное усиление границ и действия под крепостями.

Первое выражалось «засечными чертами» из городков, острогов и острожков, обнесенных рублеными стенами или: тыном и соединенных между собой в лесных местах засеками, а в открытых—земляными валами с водяным или сухим рвом.

Древнейшая из таких засек и ближайшая к Москве шла от Козельска на Тулу, Серпухов и Нижний Новгород (по Оке).

При Иоанне IV была выстроена вторая засека от Путивля на Рыльск, Новгород Северский, Орел, Новосел, Данков, Ряжск, Шацк, Темников и Алатырь на Суре.

При сыне Иоанна IV, Феодоре, в конце XVI века возникла третья засека, из трех рядов городов, постепенно углублявшихся в степи: Кромы, Ливны и Елец, Курск, Оскол и Воронеж, Белгород и Валуйки. С построением в 1600 году города Борисова, цепь укрепленных украинских городов подошла к среднему течению Северного Донца, и таким образом в какие-нибудь 15 лет мы продвинулись к югу с Верхней Оки и Тихой Сосны верст на 500—600 до черты, близко за которой уже начинались татарские кочевья. Естествен-



Засечные черты.

но, что здесь скоро должна была назреть борьба, которая, спустя почти 2 века, и привела нас к берегам Черного моря и к обладанию татарским гнездом, Крымом.

Оборона засек, вала или черты лежала на обязанности засечной стражи.

Но кроме этой засечной стражи, которая, выслав вперед сторожевые части, действовала на месте, на юге выставлялись две рати, каждая около 10,000 чел.: Украинская—у Новосела, Мценска, Данкова, Дедилова, Пронска, Тулы и пр., и Берего-

вая—по реке Оке, опираясь на Серпухов, Калугу, Каширу, Коломну.

Число укрепленных городов значительно возросло. Старые крепости были исправлены и приведены в надлежащий вид, а все вообще крепости были тщательно снабжены «засадой», боевыми и продовольственными припасами.

Что касается самого укрепления городов, то оно мало отличалось от такого в предшествующем периоде. Теперь только стали делать выше стены и чаще возводить каменные сооружения. Вместе с тем, в укрепленных городах увеличился состав артиллерии.

Искусство осаждать и оборонять крепости осталось почти то же, что и прежде, с тою лишь разницей, что со времен Иоанна III, по мере распространения огнестрельного оружия, стенобитные и метательные орудия стали употребляться реже и заменялись большими огнестрельными орудиями, число которых увеличивалось, а действие усиливалось все более и более. С половины XVI века начали употреблять пороховые подкопы (мины) для разрушения стен и башен. Приступом брали крепости или города чаще уже со второй половины XVI века, когда и огнестрельное оружие, и инженерное искусство сделали большие шаги вперед.

Оборона русскими войсками крепостей и городов велась крайне наступательно: войска предпринимали смелые и решительные вылазки для действий в открытом поле с целью прогнать осаждающего совсем от крепости или разрушить осадные работы. Сама оборона стен или вообще внешней ограды отличалась силой и упорством. О сдаче не помышляли. С воинами вместе бился весь народ, даже женщины и дети. В случае невозможности удержаться, пушкари вешались на орудиях, а прочие—после общей молитвы сжигались или взрывались на воздух в храмах.

В смысле духа русские войска, как и прежде, отличались неутомимостью в трудах, мужеством, твердостью и терпением. в нужде и лишениях, храбростью в нападении и необыкновенным упорством и стойкостью в обороне. По единогласному свидетельству русских летописей и иностранных писателей, умеренные в образе жизни, питаясь простой, нередко скудной пищей, живя в шалашах или под открытым небом, они с терпением переносили одинаково холод, зной, голод, жажду, всякого рода лишения и все труды боевой жизни. Особенно обнаруживали они мужество и твердость в несчастье и после неудач. Эта драгоценная черта (тягучесть) наших войск как ясно сохранила свою силу и поныне...

В общем, были от сердца заложены разумные основания военного дела, и все вопросы, с ним связанные, понимались и решались правильно; и, что всего ценнее, при этом особенно

резко. бросается в глаза учет наших народных особенностей и истинных потребностей государства...

Яркую картину такого положения дела дает подвиг взятие Казани великим вождем нашим Иоанном IV Васильевичем, в 1552 г.

До него, со времен Святослава, доблестные Русские витязи хотя и наносили мощные удары врагам, но это были все же только встречные удары, т. е. действия, по существу своему выпадающие больше в оборону.

Царь Иоанн IV, наоборот, сам мощно двинулся вперед по важнейшим для его времени направлениям действий, восприняв исконные наши задачи пробиться к свободным морям и подготавливая, вместе с тем, осуществление исторической работы в том же направлении своих потомков.

Таким образом, владея одним Белым морем, Иоанн IV поставил целью своей жизни отвоевать обратно у ливонцев Балтийские берега, а вместе с тем, и подготовить возобновление нашего наступления к Босфору, неизбежность которого вытекала уже из одного завоевания турками Византийской, единой и со времен Иоанна III родственной нам Империи.

Но чтобы обеспечить свой тыл для действий против ливонцев на направлении к Балтийскому морю, а для дальнейших действий—и направлении на Черное море и Босфор, — Великому Царю были нужны Казань и Астрахань, — т. е. Волга, а за нею Сибирь.

При этом, чтобы оценить всю преемственность явлений, надо напомнить и то, что Олег, Игорь и Святослав тоже хозяйничали на Волге и даже доходили по Каспийскому морю до южных его берегов.

В частности, к борьбе с Казанью побуждали Москву исторические права, запросы промышленные, вражда из-за верований и потребность в защите своих владений от набегов. После успехов Дмитрия Донского в 1376 г., Казань снова потеряла свою независимость в 1487 г. при Иоанне III. Василий III, после ряда измен казанцев, водворил в Казань своего «подручника» и построил первую промежуточную опору на путях к ней — Васильсурск (1524 г.). В малолетство Иоанна IV труды предшественников были потеряны. Но едва приняв лично правление, Иоанн IV лично же, Зимой 1547 г. ведет 1-й поход на Казань. Природа и судьба испытывают юного Царя: гибель на Волге наряда и людей заставили его вернуться. Как Петр под Нарвой, Царь не теряет однако веры в успех. Величие души правителя и вождя, особенно сильное в несчастиях, здесь налицо: в ноябре 1549 г. царь начинает новый, 2-й поход. Новая неудача уже под стенами Казани из-за слабой технической подготовки. Однако Царь замышляет, — и на этот раз

блистательно проводит в жизнь, — третий поход, воспользовавшись уроками предыдущих и заложив в устьях реки Свияги гор. Свияжск, — 2-ю и при том крепкую промежуточную опору на пути к Казани после рек Оки и Суры.

Устрашенные казанцы просили себе наместника, но когда он (Микулинский) прибыл в Казань, то его по проискам не пустили. Это развязало окончательно руки Царю покончить с Казанью.

Мудрый Царь, поворачиваясь лицом на восток, чтобы после обернуться всеми силами против запада, на время своих дел с востоком, однако, установил с западом (Швецией, Ливонией и Литвой) дружбу. Иное было на юге и востоке. Здесь турецкий султан призывал помочь Казани крымских, астраханских и ногайских татар, — и крымский хан Девлет Гирей, с помощью султана, взялся спасти Казань, имея целью объединить в своей власти Крым, Казань и Астрахань. Иоанн Грозный оказался таким образом все же между двух огней. Изменились ли его намерение? Нисколько. Он лишь взял за основу природу действий по внутренним операционным линиям, зорко следя при том и за ногайскими татарами. В прежние походы на Казань войска наши сосредоточивались у Владимира и Нижнего, т. е. прямо против нее. На этот раз (1552 г.) они собрались у Коломны и Муром. Но Коломна на р. Оке, — это «Ногайский шлях», — обычное место сосредоточение нашего против татар, — а отсюда всегда легко было перекинуться за р. Оку, всего на 60 в. на «Крымский (Муравский) шлях» к Кашире. Итак, выбор Коломны, как и у Дмитрия Донского, — дело высокого стратегического расчета по отношению к Крыму и ногаям.

Муром тоже на Оке, но уже на прямом пути из Москвы в Казань, в 400 в. от Казани, 250 в. от Москвы.

Между Коломной и Муромом 150 — 175 в., сообщение прикрыты Окой, и соединение обеих ратей могло произойти ранее подхода врага, вполне безопасно, — и даже можно было, сдерживая врага на одном направлении, поспеть на защиту Москвы по другому.

Сравнивая теперь, видно, что Муром — главное направление, а Коломна — обеспечение (заслон) с юга. В общем, образцовое развертывание на исконной нашей базе, р. Оке.

Но что же предстояло делать дальше Царю? До Казани, от Оки у Коломны, — до 650 в., из Мурома — до 450 в. На эти расстояние нужно двинуть 150 т. человек с пушкарским нарядом и средствами для осады.

Памятуя неудачи зимних походов, Царь идет летом, пользуясь реками для сплава запасов и нарядов. Крупное значение похода Царь оттеняет личным предводительством.

450 верст в бездорожном краю, среди поднятых Казанью против нас инородцев, способны были остановить кого угодно.

Но предшествующая работа, как мы видели, подготовила 2 прочные ступени к новому подвигу нашей славы: Васильсурск и Свяжск, с владением у последнего нагорным берегом Волги у Казани,— и поход протек благополучно, особенно при условии заблаговременного занятия Свяжска тремя полками...

16 июня 1552 года начало похода. Направление и от Мурома, и от Коломны на Свяжск. Но в первый же день получают сведение о движении крымцев. Царь немедленно сосредоточивается на участке Оки: Кашира—Коломна, с главными силами у последней, т. е. в общем там, где в 1380 году Дмитрий Донской. Здесь, среди всех направлений, обеспечив себя образцовой разведкой, Царь 20-го ждет дальнейшего. 21-го ему доносят, что крымский царевич у Тулы. Царь продолжает лично ждать и двигает к Туле только часть сил 23-го из-



Отчетная карта похода Иоанна Грозного под Казань в 1552г.

вестие о появлении у Тулы самого хана, и тогда Царь быстро трогает с места все силы, приказывает «перевозиться через Оку», и лично идет на Каширу. Хан, не ожидавший таких мер, отходит назад и разбит преследующими частями Воротынского на р. Шивороне в то время, как главные силы наши спокойно возобновили прежнее движение к Казани.

На совете 1-го июля, — а окружали Иоанна все славные питомцы предшествующих славных времен, — решено было идти 2-мя путями: 1) на Рязань и Мещеру, и 2) на Владимир и Муром, дабы соединиться за Алатырем. 3 июля войска вышли, 4 августа сошлись на р. Суре. Северная часть рати шла быстрее, по 30—25 в. в сутки, прикрывая поход южной со стороны Казани, а сама, обеспеченная ею с юга и ю.-з. от ногаев, Южная часть шла 20—25 верст в сутки. Севернее всех, по выгодному пути Окой и Волгой, шел наряд. Природа бокового, по отношению к югу, движения 150 т. соблюдена блистательно, сделан точный его расчет, а головы войск на разных дорогах прикрыты непосредственно своими мерами, кроме высылки вперед из Мурома «Ертоула» (разведки) и за нею — «посош-

ных людей» для наводки мостов и исправление дорог. Короче, общеармейского авангарда нет, а его заменяет конница, т. е. именно то, чего требует современная наука.

Поход к Казани удается. Он быстр, искусен, смел.



Русское вооружение с XIV до половины XVII в. — Ратник.

Безопасность увеличивается нахождением в Свияжске 3-х полков. 13 августа вся рать, запасы и наряд в Свияжске.

Снова совет. Часть воевод советует зимовать. Царь властно сообщает свое решение, и 16 августа начата, а 19-го окончена переправа через Волгу, прикрытая Ертоулом. 20-го наши все силы — в устьях Казанки. Оказалось татар 63 т.

чел. и удобнее всего вести удар с востока и юга, но есть и полевая сила Япанчи... На совете 21-го решено обложение. 23-го оно исполнено распространением в обе стороны, будучи прикрыто стрельцами, казаками и Ертоулом. Обложение закреплено турами и тыном, позднее «акопиями» (траншеями). Полки стали между Казанкой, Булаком и на Арском поле. Царский полк стал уступом сзади полка Лево́й руки, на левом бер. р. Булака.

24 августа новое великое испытание: бурей уничтожены все запасы. Поданы голоса за уход на Волгу, восстановление сил и новую осаду. Но Царь этого в своей природе не имел. Осада оперлась на Свияжск и продолжалась.

С 28-го начались нападение Япанчи от Арского острога (в 75 в. от Казани). Это была свободная полевая сила, мешающая осаде. Современная наука требует покончить с такой силой при первой к тому возможности. И вот, 29 августа на совете решено уничтожить Япанчу. 30-го его выманили в поле и двойным охватом нанесли поражение. Все же часть ушла в острог. Тогда 6 сентября искусными действиями Горбатого, решимостью Царя и дружной работой войск Арский острог взят, и с полевой силой Япанчи покончено.

Горбатый, затем, прошел в тылу до Камы, очистил все здесь от врага и доставил обширные запасы. Для описанных действий Царь выделил 45 т. лучших войск: решимость полная.

Осада вновь пошла артиллерийской борьбой, окопными работами, минами.<sup>1)</sup> Но выше всего решимость Царя взять крепость приступом, — однако, не раньше, как все назреет, и не будет закончен «подкоп».

Это было соблюдено Царем настолько тщательно, что он воздержался даже от искушения 30 сентября дать полную волю ворвавшимся в Казань воеводам, ибо прочие меры еще не были готовы, — а остановил их на занятых местах будущего общего приступа.

2-го октября все было закончено, высокий дух войск, видевший все успехи Царя, в безнадежных, казалось бы, положениях, еще больше поднят мерами нравственного воздействия.

«Дело сие было Измаильскому подобно».

Те же 3 дня: «сегодня молиться, завтра учиться, послезавтра победа или славная смерть»... Те же предварительная выучка и нравственная подготовка, деление войск на части, с Царской дружиной «для помощи во все стороны», то же время удара — рассвет... Тот же прием движение: вооруженные огнестрельным оружием впереди, цепями; за ними колонны; за колоннами главные силы тех же полков, и, повторяю, конный резерв:

<sup>1)</sup> Под, руководством русского самородного „розмысла“ Выродкова, он же строитель Свияжска и Галича.



та же работа спешенной конницы, и, наконец, то же «битье на площадях и базарах, не заходя в дома», с уничтожением, в итоге, всех защитников.

При этом полное уважение к тактическому устройству войск, — правильный выбор главного удара и назначение сюда лучших войск; развлечение противника; обеспечение своего тыла, — и захват путей отступления врага. Добавлю, что и здесь войска и Царь встретили решающий для них день вместе горячею молитвою, а войска проявили неизменную нашу воинскую доблесть. «Вера, Царь и Отечество» заполнили тем более их душу, что сам Царь был тут же, с ними.

Поход к Казани — высокий образец перемены операционной линии и флангового стратегического движения на сотни верст. Уважение к тактическому устройству войск полное. Твердая решимость довести дело до конца; умелое ведение его; умелое сочетание действий войск; их правильная тактическая работа, каждого в отдельности; умение конницы вести и конный, и пеший бой; блестящие разведка и связь; умелая осада с героическую твердостью духа, с умелым истреблением Япанчи, со своевременным безотказным приступом, — все это те положительные стороны похода, которые делают его весьма высоким образцом.

«Чтобы иметь успех в осадах, надо быть искусным в поле», — говорит Монтекукули. Иоанн IV показал в 1552 г., что он владел тайною и того, и другого. Но вот, что надо оговорить все же в конце. И Куликово поле, и Казань куплены нами нелегким трудом и немалой кровью. Хотя постоянные войска Грозного Царя и дали ему размах и мощь в наступлении, но они не обладали еще одним качеством — надлежащей боевой выучкой. Вот здесь-то и кроется ответ, почему в ливонских и последующих войнах замыслы Иоанна IV остались неосуществленными до конца. Второй причиной неудач Иоанна Васильевича была внутренняя крамола, доводившая его даже до потери душевного равновесия...

И однако, во всяком случае, Великий Грозный Царь навек останется той могучей чертой, которая ведет нас от героя Куликова поля к Лесной и Полтаве и оставляет у нас твердое сознание, что это был Царь, широко понимавший задачи своей Родины, умевший развить замыслы и стремление дедов и отца, поведший нас наступательно по важнейшим историческим путям, создавший для того лучшие по своему времени средства и сумевший применить их с высокой степенью искусства, при помощи ряда славных помощников, унаследованных <sup>1)</sup> от настойчивой созидательной работы своих великих предков.

<sup>1)</sup> Не забудем здесь знаменитого воеводу кн. Курбского, видного деятеля в Казанском походе.